

Греческое монашество въ южной Италиі.

(Схематическіе очерки) ¹⁾.

Греческое вліяніе въ Италиі.

Помимо естественной близости итальянскаго полуострова къ греческому востоку, сношенія между ними сдѣлались регулярными съ момента основанія имп. Константиномъ новой столицы имперіи на мѣстѣ древне—греческой колоніи *Византии*. Если это перемѣщеніе политическаго центра, съ одной стороны, вызвало нѣкоторую романзацію Босфорской области, то, съ другой стороны, оно-же усилило греческую колонизацію на берегахъ Средиземнаго и Адриатическаго морей.

Однако, латинское вліяніе на сѣверѣ и въ центрѣ Италиі было слишкомъ сильно, что-бы греческій элементъ могъ укрѣпиться въ этихъ областяхъ. Ему оставалась береговая полоса отъ Сициліи вплоть до Адриатики—*Калабрія* и *Апулія* или область Отранто ²⁾. Это пришлое населеніе постепенно свыкалось съ новой областью, заражая ее своимъ бытомъ, своими національными особенностями. Здѣсь оно было спо-

¹⁾ Настоящій очеркъ, въ качествѣ историческаго введенія къ подготовляемому изданію археологическаго матеріала, добытаго авторомъ при обследованіи остатковъ южно-итальянскихъ пещерныхъ монастырей, принадлежавшихъ монахамъ, выходцамъ изъ Греціи, имѣетъ цѣлью дать схематическое обзорѣніе обстоятельствъ, приведшихъ къ образованію и постепенному упраздненію этихъ монашескихъ поселеній и вліянію, какое эти послѣднія испытали со стороны латинскаго понтификата.

²⁾ Названіе Апулія появляется позже, къ XII в.; до этого времени адриатическое и ионическое побережье носило названіе Калабріи, какъ и смежная съ Сициліей область.

койно за свой языкъ и культуру, потому-что греческое вліяніе не прекращалось съ сосѣднихъ береговъ греческаго полуострова, кромѣ того, оно было далеко отъ *средней* полосы Италіи, которая очень рано начала подвергаться нашествіямъ варваровъ.

Греческое вліяніе сказывалось въ эту начальную эпоху вліянія востока на западъ въ литературѣ, культѣ и искусствѣ. Еще до окончательнаго разгрома остготской имперіи въ Италіи полководцами имп. Юстиніана, греческое вліяніе опредѣляло архитектуру и декорацію храмового зодчества, и симпатіи *равеннскихъ* епископовъ къ *византійской церковности* были такъ сильны, что греческіе мозаичисты на самомъ видномъ мѣстѣ въ храмахъ помѣщали портретныя изображенія имп. Юстиніана съ Θεодорой. Почтеніе къ послѣднему, признаніе его церковнаго патронажа было подчеркнуто нимбомъ, хотя, напр., еп. Максиміанъ на той-же мозаикѣ былъ представленъ безъ этой эмблемы высокаго ранга.

Учрежденіе въ Равеннѣ намѣстничества византійскаго императора для прямого, *въ идеѣ*, надзора и управленія жизнью вновь оккупированной области, естественно, усилило греческое вліяніе, внесло греческіе элементы въ бытъ послѣдней. Съ этого времени начинается *эллинизация*, въ собственномъ смыслѣ, латинской страны, какъ естественный результатъ желанія византійской политики удержать за собою Италію. И хотя было трудно освободиться сразу отъ *латинско-остготскаго* вліянія, и долгое время администрація еще была въ рукахъ мѣстныхъ нобилей ¹⁾, однако Византія постепенно передавала административно-общественныя и *церковныя* функціи *грекамъ* по происхожденію. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Византіи приходилось прибѣгать къ поспѣшнымъ и твердымъ мѣрамъ. Причина этого лежала въ наличности особой *римской* партіи въ средѣ населенія Италіи, которая была слишкомъ далека отъ *полнаго* согласія съ восторгами массы по поводу освобожденія отъ варваровъ ²⁾. Несомнѣнно, что эта партія вдохновлялась, прежде

¹⁾ Cp. Ch. Diehl. Etudes sur l'administration byzantine dans l'hexarchat de Ravenne (568—751). Paris, 1888, pp. 242 suiv.

²⁾ Ch. Diehl. Etudes sur l'administr., cit. op. p. 244 sv.

всего, представителями римской Церкви, всегда чуждавшейся византийской патриархии и боявшейся, что политическая зависимость отъ византийскаго императора можетъ превратиться и въ церковно-религіозную. Логически это повело-бы къ ослабленію и вообще римскаго понтификата. Доля правды, конечно, въ такихъ опасеніяхъ была, потому-что въ теоріи и въ исторической дѣйствительности верховный правитель Византіи былъ „Imperator..... et sacerdos“ ¹⁾, и, слѣдовательно, римской церковной власти нужно было, въ конечномъ итогѣ, считаться съ такимъ положеніемъ новаго главы Италіи. И особенно въ эпоху имп. Юстиніана римскій понтификатъ долженъ былъ заботиться о сохраненіи своей самостоятельности.

Этимъ, прежде всего, и объясняется та осторожность въ сношеніяхъ римскаго папы съ византийскимъ дворомъ и церковной властью, которая, по мѣрѣ ослабленія византийскаго вліянія въ Италіи, превращалась въ прямую вражду и кончилась игнорированіемъ церковнаго авторитета Востока.

Византийское вліяніе постепенно проникало въ общество, культуру, языкъ ²⁾. Церковная среда въ первое время оставалась въ сторонѣ отъ византийскаго вліянія. Однако, съ теченіемъ времени, и она должна была уступить. Не только въ самой Равеннѣ, но даже въ Римѣ высшія церковныя должности замѣщались греками, которые вводили въ практику византийскіе обычаи, эллинизировали самую идеологію латинской церковной среды. Такъ, въ эту эпоху, напр., въ *Градѣ* патриархомъ былъ назначенъ нѣкто *Илія*, грекъ по происхожденію, въ Неаполѣ епископствуетъ *Димитрій*, въ Сильва-Кандидѣ—*Никита* и т. д. ³⁾. При папскомъ дворѣ, въ концѣ VII вѣка, встрѣчаются пресвитеры съ греческими именами: Теофанъ, Сергій, Теофилакть и др. Эти греки представляютъ отъ имени римскаго понтификата на со-

¹⁾ Пап. Григорія II Epistolae. См. Migne Patrol. curs. compl. ser. lat. t. LXXXIX, 521.

²⁾ Подробн. см. объ этомъ у Fr. Lenormant. La grande—Grèce. Paysages et histoire. T. II, Paris, 1881, p. 381 sv.; Ch. Diehl. cit. op., pp. 243—246; Hergenröter. Handbuch der allgemeinen Kirchengeschichte. B. II. Frb. [Brg 1904, s. 19.

³⁾ Ср. Anastasii Bibliothec. Historia de vitis roman. pontif. y Migne, Patrol., lat., t. CXXVIII, col. 948 (171).

борахъ Востока, въ качествѣ легатовъ посылаются къ византійскимъ императорамъ и т. д. ¹⁾

Уже къ VII вѣку въ самомъ Римѣ было много греческихъ клириковъ, которые принимали участіе, напр., на соборѣ 649 года. Хронистъ говорить, что на этомъ послѣднемъ были „*graeci jam per annos habitantes in hac Romana civitate*“ ²⁾. Это обстоятельство очень важно, такъ-какъ показываетъ степень вліянія и положеніе греческихъ клириковъ въ средѣ римскаго духовенства: они являлись вполнѣ равноправными съ послѣднимъ и могли оказывать прямое вліяніе въ церковной и свѣтской средѣ.

Этому вполнѣ отвѣчало и то прогрессивное эллинизированіе общественныхъ слоевъ Италіи, какое наблюдалось послѣ V вѣка. Византійскіе чиновники, клирики старались въ новой средѣ не терять своей связи съ родиной, практиковали свои обычаи, греческую рѣчь, церковныя особенности. Естественно, что это служило положительнымъ примѣромъ и для латинскаго населенія. Исконная аристократія также не могла устоять предъ новымъ вліяніемъ; римскіе нобили копировали византійскій бытъ, одежду, привыкали постепенно къ греческому языку, входя въ сношеніе съ византійскими семьями, прибывшими изъ Греціи. Нарождалась постепенно новая, эллинизированная аристократія, которая, подчасъ и противъ воли, привыкала смотрѣть на родину, какъ на провинцію великой Византіи. Тоже самое происходило и въ низшихъ слояхъ населенія, пополненныхъ пришлымъ, изъ митрополіи, греческимъ элементомъ ³⁾.

Несмотря на *осторожное*, въ началѣ, противодѣйствіе со стороны латинскаго понтификата, греческое вліяніе сильно сказывалось и въ мѣстной церкви. Логически это оправдывалось тѣмъ, что въ анализируемую эпоху еще не существовало *рѣзкой* церковно-богослужебной разности между практикой греческой и латинской. Единственно, что *раздѣляло* въ культѣ, былъ языкъ. Отсюда, напр., церкви *s. Maria Antiqua*, *s. Agnessa fuori le mura* съ ихъ греческими фресками

¹⁾ Ch. Diehl, с. op., p. 252.

²⁾ Diehl, p. 253a.

³⁾ Ср. интересн., хотя и не вездѣ оригинальное, изслѣдованіе этой асси-миляція у баронессы Diane de Guldencreone. *L'Italie byzantine. Etude sur. ae haut moyen—age* (400—1050). Paris, 1914, pp. 83 sv., 92 sv., 107.

и практиковавшимся тамъ греческимъ богослуженіемъ не производили на латинянь впечатлѣнія *сретическихъ*, чуждыхъ по принципамъ латинскимъ храмамъ. Съ VII вѣка римской Церковью часто управляютъ папы по происхожденію—греки, сирійцы и др. ¹⁾. Таковы, напр., были: *Теодоръ*, грекъ, сынъ епископа Теодора, изъ Иерусалима, правившій въ Римѣ съ 642 по 649 гг., *Иоаннъ V*, сиріецъ, изъ Антиохіи, съ 685 по 686 гг., *Сергій*, также сиріецъ, изъ Антиохіи, съ 687 по 701 гг., *Иоаннъ VII*, грекъ, съ 705 по 707 гг. ²⁾. Нѣкоторые папы, по происхожденію итальянцы, знали греческій языкъ, что подчеркиваетъ хронистъ ³⁾, слѣдовали чисто греческой практикѣ въ празднованіи памяти нѣкоторыхъ святыхъ ⁴⁾. Папа *Иоаннъ VII* „*basilicam... sanctae Dei Genitricis, quae Antiqua vocatur, pictura decoravit, illicque ambonem noviter fecit*“ ⁵⁾. Какъ стѣнная роспись, такъ и верхній подіумъ амвона, въ настоящее время открыты наукой; стиль росписи чисто-византійскій, титла греческія,—особенно интересна подпись по борту подіума: „† ΙΩΑΝΝΥ ΔΥΔΥ ΤΗΣ ΘΕΣΤΟΚΥ“ и латинская: „† IOHANNES SERVUS CAE M R' AE“. Слѣдовательно, римскіе понтифексы одинаково со вниманіемъ относились къ латинскимъ и греческимъ храмамъ, потому что тѣ и другіе въ ихъ глазахъ не разнились принципиально. Такое различіе появилось значительно позже.

Это обстоятельство уже a priori позволяетъ предположить, что очень рано въ Италіи вообще и, въ частности, въ самомъ центрѣ латинской церковной власти существовали храмы и даже цѣлые монастыри восточныхъ приплецовъ. Такъ напр., папа *Донусъ* (676—678) „*reperit in urbe Roma, in monasterio quod appellatur Boetianum, Nestorianitas, monachos Syros, quos per diversa monasteria divisit. In quo praedicto monasterio monachos Romanos instituit*“ ⁶⁾.

¹⁾ Ср. Diehl, cit. op. p. 257 sv.

²⁾ См. Anastasii Bibl. Histor. de vit. Migne, t. CXXVIII, coll. 722, 875, 891, 929.

³⁾ Левъ II „*graeca latinaque lingua eruditus*“—у Anastas. Bibl., ib., col. 847 (147).

⁴⁾ Сергій (687—701)—„*constituit... ac sancti Simeonis, quod Hypapantem graeci appellant, litania exeat*“. Anast. Bibl., col. 898 (164).

⁵⁾ Anastasii Bibl. Histor., col. 930 (167).

⁶⁾ Anastasii Bibliot., cit. op., col. 798.

Этихъ немногихъ фактовъ достаточно, что-бы видѣть, въ какомъ положеніи находились приплылы съ востока клирики и монахи въ Римѣ до періода иконоборчества. Церковная власть принимала ихъ въ общеніе, позволяла объединяться, имѣть свои храмы, монастыри, пользоваться своимъ языкомъ, церковными традиціями. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, своимъ надзоромъ она опредѣляла нормы ихъ внутренней жизни: то, что являлось рѣзкимъ отклоненіемъ отъ общецерковной догмы, одинаковой на западѣ и востокѣ, все это исправлялось чисто дисциплинарными мѣрами. И папа Донусъ, разославшій по разнымъ монастырямъ сирійскихъ монаховъ изъ ихъ монастыря въ Римѣ, когда обнаружился ихъ несторіанскій образъ мыслей, дѣйствовалъ вполне правомѣрно, безъ вмѣшательства въ неподлежащую ему среду.

Однако, нужно имѣть въ виду, что такое благоволеніе къ восточному элементу въ центрѣ *латинизма* было *случайнымъ*, какъ случайны были *восшествія* на престолъ римскихъ владыкъ грековъ, сирійцевъ и др. Національно-римская партія должна была всегда съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, опасеніемъ относиться къ росту вліянія *востока* въ Римѣ. Въ томъ *неустойчивомъ* политическомъ положеніи Италіи, въ какомъ она находилась съ конца IV вѣка, прямыя потомки античныхъ римлянъ могли мечтать о политической независимости особенно отъ Византіи, гдѣ церковная власть часто оказывалась простымъ *орудіемъ* въ рукахъ свѣтской власти. Между тѣмъ, уже въ срединѣ VI вѣка Византія нашла въ Италіи, въ лицѣ церковныхъ владыкъ Рима, могучую, хорошо организованную, сильную своимъ вліяніемъ на западѣ власть. Она молча подчинилась неизбежному ходу вещей, но не могла признать авторитета императора въ церковныхъ дѣлахъ запада ¹⁾. Конечно, сторонниковъ своей политики церковная власть Рима находила только въ латинскихъ крутахъ населенія; греческое многочисленное населеніе Сициліи, Калабріи и области Отранто было всегда на сторонѣ Византіи, вѣрно ея политическимъ и церковнымъ взглядамъ и традиціямъ. Здѣсь, въ дали отъ центра латинизма, расло и ширилось восточное вліяніе, сюда прибывали клирики, монахи, образовывали церковную общину подъ авторитетомъ

¹⁾ Diehl, cit. op., p. 245 sv.

византійскаго патріарха ¹⁾. Въ собственномъ же смыслѣ подвластными епископы Сициліи и Калабріи были римскому престолу. Еще папы—*Левъ Великій* въ посланіи отъ 21 октября 447 года, *Геласій* въ посланіи отъ 11 марта 494 года—требуютъ отъ послѣднихъ полной покорности Риму, признанія его авторитета въ южной Италіи ²⁾. Особенно ревностно доказывалъ это папа *Григорій Великій*, въ VI вѣкѣ, начавшій постепенно латинизировать эти области, вводя напр., целнбаты для иподіаконовъ и пр. ³⁾.

Эти и подобныя имъ посланія очень характерны, какъ показатель того, что очень рано епархіямъ южной Италіи *искусственно* навязывался авторитетъ римской Церкви. Слѣдовательно, не только само населеніе, въ массѣ, но и клирики, епископы, быть можетъ, получившіе санъ въ Римѣ, были далеки отъ *свободнаго* признанія авторитета римскаго главы. Отношенія съ послѣднимъ не были прочны, и особенное развитіе, высокая святость и личный аскетизмъ византійскаго духовенства всегда притягивали къ себѣ также ставленниковъ Рима въ южныхъ областяхъ Италіи ⁴⁾.

Итакъ, вплоть до конца VII вѣка восточное влияніе было очень сильно въ церковной и общественной средѣ Италіи. Греческое населеніе южной Италіи, въ частности, должно было особенно живо чувствовать свою связь съ Византіей послѣ утвержденія въ Равеннѣ намѣстника византійскаго императора.

Греческіе монахи и греческій культъ въ Италіи.

Въ распространеніи по Италіи византійскихъ идей, церковно-богослужебныхъ традицій, языка и т. п. большую роль сыграли греческіе монахи.

Выше было указано, что еще на латеранскомъ соборѣ 649 года, при папѣ *Мартинь I*, участвовало много греческихъ монаховъ, по просьбѣ которыхъ, между прочимъ, постановленія этого собора противъ моноелитовъ были пере-

¹⁾ Ср. П. В. Старицкаге. Византійскія епархіи въ Южной Италіи. Труды Кіевск. Духовн. Академіи, 1907, янв., стр. 17 сл.

²⁾ Старицкій, *cit. op.*, стр. 21 сл.

³⁾ *Ibid.*, стр. 22 сл.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 24 сл.

ведены на греческій языкъ ¹⁾. Этотъ фактъ съ очевидностью доказываетъ, что уже въ половинѣ VII вѣка въ самомъ Римѣ было нѣсколько греческихъ монастырей, составлявшихъ, какъ-бы, автокефальную группу, съ которой считалась латинская церковная власть. Такъ, монастырь *св. Анастасія*, находившійся около собора *s. Paolo fuori le mura*, былъ населенъ *греческими монахами* ²⁾; въ VIII вѣкѣ папа *Адрианъ* реставрировалъ въ немъ *egumenarchium* ³⁾: этотъ терминъ доказываетъ, что и при папѣ *Адрианѣ* въ VIII вѣкѣ въ монастырѣ *св. Анастасія* были монахи греки. Съ конца XII вѣка онъ перешелъ *армянамъ* ⁴⁾.

На Monte Aventino греческіе монахи основали монастырь, вскорѣ послѣ смерти матери папы *Григорія Великаго*, и посвятили его *св. Саввы* (531 г.) въ подражаніе іерусалимскому монастырю того же имени. Первый разъ этотъ монастырь упоминается въ житіи *св. Григорія*, еп. *Джирженги*, написанномъ въ VII вѣкѣ. Въ XII в. монастырь *св. Саввы* перешелъ въ руки аббатства Cluny ⁵⁾. Въ самое послѣднее время подъ существующею доселѣ, на мѣстѣ греческаго монастыря, церкви *s. Sabas* открыта *нижняя церковь*, фрагменты фресокъ изъ которой помѣщены въ витринахъ по стѣнамъ верхней церкви; нѣкоторыя изъ нихъ датируются V—VI вв. ⁶⁾. Между этими фресками есть интереснѣйшій фрагментъ: на одномъ кускѣ штукатурки сохранилась верхняя часть изображенія группы изъ 4—5 монаховъ съ бородами, въ остроконечныхъ черныхъ *жуколяхъ* и такихъ же одеждахъ *восточнаго* покроя (широкая мантия); титлъ нѣтъ. Стилистическія особенности позволяютъ сопоставлять эти изображенія съ полуразрушенной фреской на западной стѣнѣ праваго придѣла (алтарь) ц. *Maria Antiqua* въ Римѣ же. Тамъ представленъ *о агюс Варл (аамоу?)* ⁷⁾: голова въ такомъ

¹⁾ Diehl, cit. op., p. 253.

²⁾ Ibid., p. 253.

³⁾ Anastas. Bibl., col. 1197 (454).

⁴⁾ Bullet. di archeol. cristiana, 1869, p. 89.

⁵⁾ См. H. Marucchi. Basiliques et eglises de Rome. 2-e ed. Paris, 1909, p. 176.

⁶⁾ Ср. о фрескахъ De-Waal. Roma Sacra. Wien, 1905, s. 661.

⁷⁾ Быть можетъ, Варлаамъ, подвижникъ Антиохійскій? См. Kalendarium manuale utriusque ecclesiae orientalis et occidentalis, ed. Nilles, II, Oeniponte, 1897, p. 615.

же *куколя*, желтый нимбъ, длинная черная одежда въ видѣ мантии. Фреску указанную изъ ц. *Sabas* можно датировать VII вѣкомъ.

Несомнѣнно, подобный же *греческій* монастырь былъ у подножя *Палатина*, на мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время открыта интереснѣйшая церковь *Maria Antiqua*. Въ наукѣ еще пока не рѣшенъ окончательно вопросъ о ея происхожденіи ¹⁾, однако есть всѣ данныя принять мнѣніе Р. Лугано, издавашаго нѣкоторые документы къ ея исторіи, что, если эта церковь и не была закончена къ 650 г., то, во всякомъ случаѣ, начала строиться при папѣ Мартинѣ I (649—655) ²⁾. Церковь *s. Maria Antiqua* упоминается уже въ *Анонимѣ*, извѣстномъ подъ названіемъ *Einsiedlense*, который датируется концомъ VII или самымъ началомъ VIII вѣка ³⁾. Исторически извѣстно, что ея стѣны были покрыты фресками при папѣ Иоаннѣ VII (705—707) при которомъ „*noviter*“ былъ устроенъ и амвонъ ⁴⁾. Мраморная плита отъ этого амвона (подіумъ) въ настоящее время открыта, она носитъ имя папы Иоанна VII ⁵⁾. Равнымъ образомъ, открыта фресковая роспись, которая датируется, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, даже VI вѣкомъ (Богоматерь съ Младенцемъ и архангелами съ правой стороны главной апсиды) ⁶⁾. Между святыми встрѣчаются оо. подвижники греческой и римской Церквей; между прочимъ, наличность и изображенія *св. Василія Великаго*, регламентатора *восточнаго монашества*, и нѣкоторыхъ подвижниковъ востока въ *куколяхъ* и черной же схимнической (?) одеждѣ дало возможность наукѣ утверждать, что на мѣстѣ церкви *s. Maria Antiqua* былъ *греческій монастырь* ⁷⁾. Последнее подчеркивается также слишкомъ большимъ *хоромъ*, занимающимъ почти ²/₃ средняго пространства церкви.

1) Н. Marucchi, cit. ouvr., pp. 248, 262.

2) Р. Lugano. *S. Maria olim Antiqua nunc Nova al foro Romano*, 1900, p. 73.

3) Р. Lugano, ib. p. 19 sg.

4) Anastas. *Biblot. cit. op. col. 929* (167).

5) См. О. Marucci. *La chiesa di s. Maria Antiqua nel foro Romano* въ *Nuovo Bullet. di archeol. crist.* 1900, p. 305 sq.

6) Ср. О. Marucchi. *La chiesa di s. M. Ant.*, cit. op., p. 299.

7) Ср. Н. Marucchi. *Basiliques et eglises*, cit. op. p. 262; De Waal, cit. op. s. 662.

Во второй половинѣ VII вѣка въ Римѣ существовалъ *сирійскій* монастырь, называвшійся *Boetianum*; папа Донусъ обратилъ его въ общежитіе для римскихъ монаховъ ¹⁾.

Въ *Равеннѣ*, гдѣ пребывалъ византійскій экзархъ, также было много *греческихъ* монастырей, которые, естественно, должны были пользоваться полной свободой и всѣми привилегіями. Нужно отмѣтить очень интересную подробность въ организаціи этихъ монастырей Равенны: почти всѣ они *de facto* служили страннопримными домами для массы паломниковъ съ Востока. Таковы, напр., были монастыри *s. Lorenzo in Cesarea*, *s. Maria in Cosmedin*, *Spirito Santo*, *s. Theodoro*, *s. Maria ad Blachernas* и др. ²⁾. Настоятели нѣкоторыхъ изъ этихъ монастырей обладали особенными правами. Такъ, напр., игумень монастыря *s. Maria in Cosmedin* встрѣчалъ прибывающаго въ Равенну архіепископа за городомъ, въ церкви монастыря *s. Lorenzo in Cesarea*, по сосѣдству съ своимъ монастыремъ, надѣвалъ на него митру, и только послѣ подобной *санкціи* архіепископъ вступалъ въ митрополищю церковь ³⁾. Всѣ греческіе монахи вносили не только въ мѣстное населеніе, но и въ церковно-административную и общественную среду свои обычаи, свой языкъ и пр. Это было самой сильной пропагандой эллинизма въ Италиі, которая шла быстрыми шагами. Само собою понятно, что папская власть, возглавляемая патріотически настроеннымъ лицомъ, происшедшимъ изъ римлянъ, не могла безучастно относиться къ усиленію византійскаго вліянія. Послѣднее опиралось не столько на внѣшнюю силу, на зависимость Рима отъ Византіи, съ VI вѣка, сколько на моральную. Греческое монашество, клирики были выше по своему *интеллектуальному* развитію, по своей *нравственной* фізіономіи, и, отчасти, по матеріальнымъ обстоятельствамъ. Византійская власть понимала все чисто политическое значеніе усиленія греческаго вліянія въ новой провинціи чрезъ посредство столь вѣрныхъ Византіи слугъ, какъ монахи, и всячески поощряло ихъ, субсидировала матеріально и снабжала особенными привилегіями.

¹⁾ Anastas. Bibliot., col. 798 (139).

²⁾ Diehl, cit. op., p. 255.

³⁾ Ср. Diehl, cit. op., p. 256.

Этимъ и объясняется то опасеніе римскихъ папъ, которое выражалось, напр., отчасти въ закрытіи восточныхъ монастырей, если къ тому представлялся прямой поводъ, въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ ¹⁾. Въ Равеннѣ, по мѣрѣ ослабленія византійскаго государственнаго авторитета, постепенно владѣнія греческихъ монаховъ передавались ордену бенедиктинцевъ ²⁾.

Въ подобныхъ мѣрахъ латинской церковной власти нельзя видѣть актъ отрицательнаго отношенія къ греческому монашеству, какъ *церковно-религіозному институту*: этому противорѣчило бы болѣе, чѣмъ мягкое, отношеніе къ греческимъ монахамъ въ Италіи въ эпоху иконоборчества. Ближе къ истинѣ видѣть здѣсь просто результатъ опасенія за свою самостоятельность со стороны Византіи. Монахи этой послѣдней въ данномъ случаѣ подвергались гоненію, какъ агенты византійскаго правительства, которые въ своихъ монастыряхъ скрывали громадную нравственную и политическую пропагандистскую энергію. Въ другое время, когда тѣ же монахи обращались къ Риму за помощью, за убѣжищемъ въ преслѣдованіи, онъ принималъ ихъ въ общеніе, самое близкое, самъ организовалъ ихъ существованіе, давалъ всѣ средства абсорбироваться отъ власти византійскаго патріархата. Здѣсь точка зрѣнія, отношеніе къ монаху греку не мѣнялась, онъ всегда могъ быть одинаковъ съ бенедиктинцемъ по своему положенію въ Церкви, но мѣнялось отношеніе къ агенту, на котораго опиралась чуждая, *принципіально*, власть, которая чрезъ него достигала постепеннаго разсасыванія авторитета мірской и церковной власти Рима.

Нравственная высота жизни, сильная организація, наконецъ—матеріальное субсидированіе византійскимъ правительствомъ—все это служило залогомъ жизненности идей, распространявшихся греческими монахами въ кругахъ населенія. Съ силой нравственнаго вліянія внѣшними мѣрами бороться нельзя; что бы ни предпринималъ Римъ для уменшенія этого послѣдняго, въ средѣ населенія Италіи, оно ширилось, захватывая симпатіи самыхъ разнообразныхъ

¹⁾ Anastas. Bibl., col. 798 (139).

²⁾ Diehl, ib.

слоевъ общества, заставляя, напр., калабрійцевъ изучать греческій языкъ, признавать нравственный авторитетъ и управление византійскаго патріарха ¹⁾. Возможно, конечно, что тому же способствовало отношеніе византійскаго правительства къ варварамъ, опустошавшимъ нерѣдко южно-итальянскія области. Оно всегда принимало близко къ сердцу бѣдствія отъ мусульманъ населенія этихъ послѣднихъ, посылало свои войска и флотъ противъ ихъ вторженій ²⁾.

Въ результатъ такого *греческаго* вліянія въ Италиі было, напр., введеніе въ *сиракузскихъ* церквахъ греческихъ церковно-богослужебныхъ особенностей, противъ чего такъ возставалъ папа Григорій въ VI вѣкѣ ³⁾. При папѣ Львѣ II (682—683) въ Римѣ праздновали греческое *Богоявленіе* ⁴⁾. При папѣ Сергіѣ I (687—701) въ Римѣ совершалось по *греческому* обряду *Воздвиженіе Честнаго Креста* въ базиликѣ *Спасителя* ⁵⁾. Тотъ же папа принялъ и ввелъ въ практику Римской церкви многіе греческіе праздники, напр., *Срѣтеніе Господне* ⁶⁾, которое впервые появилось въ Византіи при Юстиніанѣ ⁷⁾.

Результатомъ того же греческаго вліянія въ церковной

¹⁾ Schlumberger. Un empereur byzantin au X siecle. Nicéphore Phocas. Paris, 1890. p. 674.

²⁾ Lancia di Brolo. Storia della chiesa in Sicilia. Palermo, 1884. t. II, p. 262, ср. Anastas. Bibl., cit. op., col. 976 (179).

³⁾ Epist. IX, 12.

⁴⁾ Anastas. Bibl., col. 847 (148). Памятью этого въ Римѣ, несомнѣнно, является понынѣ управленіе богослуженія 6 января по греческому обряду въ ц. s. Atanasio. Какъ извѣстно, въ этотъ день католики празднують поклоненіе волхвовъ; въ ц. Propaganda fide служатся литургіи по нѣсколькимъ восточнымъ уставамъ, въ ц. ss. Sergio e Baccho (Madonna del Pascolo) по греческому обряду, съ освященіемъ воды, въ ц. s. Andrea della Valle въ теченіе дня служатся нѣсколько мессъ по различнымъ обрядамъ (также—восточнымъ) и произносятся проповѣди на различныхъ языкахъ. Интересно было слушать мессу на славянскомъ языкѣ! По католическому преданію, волхвы Гаспаръ, Мельхіоръ и Валтасаръ были крещены св. ап. Фомой и умерли мучениками; ихъ мощи, открытыя св. цар. Еленой, хранятся въ соб. di Colonia („Diario Romano“, 6-e genn.).

⁵⁾ Anast. Bibl., col. 895 (162).

⁶⁾ Anast. Bibl., col. 898 (164).

⁷⁾ Paul. Diac. Histor., lib. XVI въ Monum. Germ. Histoir. Scriptor. Rerum Langobard. et Italicar. saec. VI—IX, Hann. 1878.

средѣ Рима было перенесеніе останковъ святыхъ съ Востока, построеніе церквей въ память греческихъ святыхъ и пр. 1).

Политическія обстоятельства, вызвавшія въ южно-итальянскихъ провинціяхъ Византіи латинское вліяніе въ церковной средѣ, въ X в.

Съ конца X вѣка начинается въ исторіи южно-итальянскаго греческаго монашества фаза, повидимому процвѣтанія, которую называютъ *золотымъ вѣкомъ* 2). Византійскія провинціи, освобожденныя, хотя и не самой Византіей, отъ сарацинъ, пользуются миромъ, церковный и монашескій институтъ растутъ, увеличивается число монастырей. Съ этого времени самый характеръ монашества *эмигрантскій*, зависѣвшій отъ тяжелыхъ политическихъ обстоятельствъ предшествующей эпохи, смѣняется устойчивымъ, осѣдлымъ образомъ жизни. Однако, въ противоположность этому внѣшнему цвѣтущему состоянію, внутренней сторонѣ, духу греческаго монашества начинаетъ угрожать новый могучій факторъ, появившійся на горизонтѣ Италіи,—это вмѣшательство германскихъ и нормандскихъ принцевъ въ политическую жизнь полуострова. Если до этого времени Византія находилась въ постоянной борьбѣ съ мусульманами, которые только *жалили* ее въ итальянскія провинціи, не принося въ *политическомъ* отношеніи ощутимаго вреда, то съ появленіемъ въ Италіи пришельцевъ изъ-за Альпъ положеніе рѣзко мѣняется. Византія стояла теперь предъ вопросомъ о допущеніи въ политическую жизнь ея оемъ сосѣда, который задавался опредѣленными политическими стремленіями. Правда, Византія сама допустила возникновеніе у германцевъ аппетитовъ къ ея провинціямъ въ Италіи, обратившись къ нимъ за помощью противъ сарацинъ. Сарацины были прогнаны изъ Апуліи, но у германцевъ явилась мысль, что Византія не поправу владѣетъ этой частью Италіи, которая входитъ въ составъ Лонгобардіи, т. е. *Regnum Italicum*. 3).

1) См. Diehl, cit. оuvr., p. 261—266.

2) Н. Соколовъ. Состояніе монашества въ византійской, Церквѣ съ половины IX до начала XIII вѣка. Казань. 1894 стр. 118.

3) Зау, p. 308.

Въ мартъ 968 года Оттонъ I вторгся съ своими полчищами въ Апулію и началъ осаду Бари. Однако недостатокъ флота для морской блокады столицы лонгобардской еемы вынудилъ его снять осаду. Императоръ Никифоръ Фока началъ готовить карательную экспедицію противъ измѣнившихъ ему лонгобардскихъ герцогствъ и противъ Оттона.

Въ ноябръ того же года Оттонъ, не дождавшись своего посла къ Никифору Лиутпранда, епископа кремонскаго, вновь выступаетъ въ Апулію. На этотъ разъ онъ ограничился разрушеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ городковъ. Весной 969 года онъ спускается въ Калабрію, доходитъ до *Cassano*, поднимается опять къ сѣверу, между *Borino* и *Ascoli*, гдѣ находились небольшіе византійскіе отряды.

Эти успѣхи германскаго нашествія, не встрѣтившаго на своемъ пути сопротивленія византійцевъ, ободрили римскій понтификатъ, и папа Іоаннъ XIII, усмотрѣвъ въ этомъ, очевидно, конецъ византійскаго вліянія въ Апуліи вообще, открываетъ въ Беневентѣ *митрополию*, предоставляя архіепископу *право посвящать епископовъ византійской части Апуліи*. Однако военное счастье измѣнило Оттону. Оставивъ свои войска Палдольфу, герцогу Капуи, онъ удался самъ къ Равеннѣ. Въ это время стратегъ Евгеній съ свѣжими силами, прибывшими изъ Константинополя, дѣлаетъ удачный натискъ на осаждавшихъ *Bovino* германцевъ, захватываетъ въ плѣнъ самого Палдольфа и отправляетъ его, вмѣстѣ съ другими плѣнниками, въ Константинополь. Затѣмъ, онъ вступаетъ въ ломбардское герцогство, доходитъ до *Avellino*, на югъ отъ Беневента, потомъ до Капуи и начинаетъ осаду последней. Однако вѣсти о новыхъ войскахъ германцевъ заставляютъ Евгенія удалиться въ Салерно, герцогъ котораго устраиваетъ ему торжественную встрѣчу и заявляетъ о своей вѣрности византійскому императору. Съ противоположной стороны, патрицій изъ Бари съ своимъ войскомъ наводитъ страхъ на ломбардскую область отъ границъ Апуліи до *Вольтурно*.

Оттонъ посылаетъ новыя войска, которыя разбиваютъ византійцевъ подъ *Асколи*, несчастливый преемникъ Евгенія патрицій Абдила бѣжитъ, предоставляя оттоновскимъ полководцамъ опустошать Апулію, населеніе которой послѣ того было обложено большою контрибуціей.

Такъ началась политическая рознь между двумя имперіями—Никифора Фоки и Оттона ¹⁾. Смерть Никифора положила конецъ этой борьбѣ.

Преемникъ Никифора Іоаннъ I Цимисхій признавалъ болѣе важнымъ обратить вниманіе на восточныя провинціи имперіи, и, отсюда, южная Италия была предоставлена, по видимому, германской гегемоніи. Это особенно было подчеркнуто освобожденіемъ Палдольфа изъ плѣна, который скоро доказалъ своимъ явнымъ переходомъ на сторону Оттона ошибку новыхъ руководителей византійской политикой. Къ счастью для Византіи, старый германскій императоръ удовольствовался прибытіемъ въ Бари своего вѣрнаго вассала, какъ молчаливымъ согласіемъ восточной имперіи на его вліяніе въ Апуліи и покинулъ послѣднюю, удалившись на сѣверъ. Можно думать, что въ этомъ сказалось его утомленіе войной, которая не привела къ *видимымъ* результатамъ, такъ-какъ Византія официально не признавала правъ германцевъ на Апулію и не отказалась, слѣдовательно, отъ своего вліянія въ послѣдней.

Въ 972 году въ Римѣ былъ заключенъ бракъ между сыномъ Оттона Оттономъ II и принцессой Теофано, дочерью византійскаго императора Романа II. Съ этого момента германцы оставляютъ въ покоѣ Апулію и Калабрію. Это было, конечно, очень важно для Цимисхія, который былъ увѣренъ въ вѣрности Византіи южно-итальянскихъ провинцій и занялся преимущественно восточными и сѣверными границами. Войска были отозваны изъ Италіи, чѣмъ, между прочимъ, воспользовались сарацины, сдѣлавшіе набѣгъ на Калабрію въ 976 году: ²⁾

Въ 980 году новый германскій императоръ Оттонъ II прибылъ въ Римъ, чтобы поднять свой авторитетъ въ глазахъ римской аристократіи и отвѣтить на происки герцоговъ Капуи и Беневента. Однако, ближе къ истинѣ усматривать въ этомъ официальном поводѣ появленія въ Римѣ, этой *звери* въ южную Италію, соображенія и намѣренія иного характера. Дѣло въ томъ, что, въ представленіи германцевъ,

¹⁾ См. Gay, cit. ouvr. pp. 310—315.

²⁾ Gay, pp. 316—324; Schlumberger. L'empereur byzantine, I, pp. 185—203 sv.

Калабрія, близкая географически къ германской имперіи, какъ ее реставрировала Оттонъ I, составляла естественную часть этой послѣдней: византійцы были только „узурпаторами“, неправильно владѣвшими южной Италіей. Логическимъ выводомъ изъ этихъ посылокъ и было намѣреніе Оттона II отнять у Византіи эти области. Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ онъ руководился также свѣдѣніями о военной слабости Византіи, которая допустила въ 976 году набѣгъ сарацинъ.

Оттонъ вступаетъ изъ лонгобардскихъ областей на византійскую территорию и приближается къ *Matera*. Отсюда онъ спускается въ Калабрію, не добившись никакихъ результатовъ у Бари и Трани. Въ долину *Crati* онъ встрѣчается съ полчищемъ сарацинъ во главѣ съ эмиромъ Абуль-Каземъ и терпитъ полное пораженіе. 1) Оттонъ бѣжитъ къ сѣверу въ лонгобардскія герцогства; сарацины, потерявшіе своего вождя и обезсиленные этой битвой, сѣшутъ въ Сицилію. Такъ, въ настоящемъ случаѣ сарацинскій набѣгъ имѣлъ положительное значеніе для Византіи, т. к. освободилъ ея южноитальянскія провинціи отъ германцевъ.

Интересно, что послѣ столь неожиданнаго крушенія плановъ Оттона само населеніе сѣверныхъ областей Италіи протестуетъ противъ латинскихъ епископовъ, ставлениковъ германцевъ, его декреты не исполняются, германофильствующие чиновники подвергаются насиліямъ. 2)

Византійскіе патриціи начинаютъ постепенно приводить въ порядокъ византійскія провинціи, подавляютъ по мѣстамъ возстанія (Бари и Трани), надѣляютъ нѣкоторыхъ латинскихъ епископовъ особыми привилегіями за вѣрность имперіи. 3)

Политическое успокоеніе южноитальянскихъ провинцій въ самомъ концѣ X в., послѣ Оттона II, сказывается прежде всего на реорганизациіи всего управленія. До этого момента

1) Schlumberger, I, pp. 515 sv.

2) См. подр. у Gay, pp. 321—342; Guldencrone даетъ подробное изложеніе событій этой эпохи. См. ея *L'Italie byzantine*, pp. 392—438.

3) См., напр., грамоту катанана Италіи епископу г. Трани, изданную на греческомъ и латинскомъ языкъ. G. Beltrani въ его *Documenti longobardie greci per la storia dell'Italia meridionale*. Roma, 1877, p. 9 s-q.

южная Италия находилась въ вѣдѣніи двухъ патриціевъ съ военными полномочіями. Одинъ управлялъ собственно Апуліей, другой—Калабрией. Разница между ними была та, что стратегъ Калабріи имѣлъ дѣло съ населеніемъ *греческимъ* въ его массѣ, которое находилось въ полномъ подчиненіи византійскому императору, въ силу своихъ культурныхъ, бытовыхъ и церковныхъ особенностей. Связь съ имперіей здѣсь была вполне естественна. Сюда назначались епископы константинопольскимъ патриархатомъ, сюда переселялось множество грековъ изъ самой Византіи, языкъ, литература и искусство вдохновлялись исключительно греческимъ востокомъ. Иное было въ Апуліи. Латинскій колоритъ области, населенной преимущественно итальянцами, близость лонгобардскихъ герцогствъ, находившихся въ живыхъ сношеніяхъ съ Римомъ, все это уже *a priori* накладывало на Апулію специфическій оттѣнокъ латинизма.

Съ цѣлью уничтоженія такого административнаго дуализма, который отчасти вредно отражался на жизни провинцій, императоръ Константинъ Порфирогенетъ назначаетъ въ южную Италію одного мѣстника Маркіана Аргираса, какъ правителя двухъ ѡемь—Калабріи и Лонгобардіи или Апуліи. Правда, еще при Никифорѣ Фока была мысль о полной ассимиляціи этихъ послѣднихъ въ административномъ отношеніи, однако практическаго примѣненія эта мысль тогда не получила.¹⁾

Такая централизація власти въ южной Италиі имѣла большое значеніе въ принципѣ, такъ-какъ гарантировала одинаковость политики во всѣхъ южно-итальянскихъ провинціяхъ. Если раньше правитель лонгобардской ѡеми могъ часто идти на компромиссъ съ мѣстнымъ населеніемъ, допуская иногда вполне сознательно вліяніе Рима въ церковной сферѣ, то новая власть должна была придерживаться одинаковаго отношенія къ греческому и итальянскому населенію обѣихъ ѡемь. Было-бы грубымъ нарушеніемъ новаго принципа допускать латинское вліяніе въ Апуліи и всѣми мѣрами противодѣйствовать ему въ Калабріи. На это, главнымъ образомъ, и было расчитано учрежденіе катапана въ Бари.

¹⁾ Gay, pp. 343—349.

— До Никифора Фоки почти вся Калабрія отъ *Redjio* до *Monte Pollino* находилась въ подчиненіи константинопольскому патриархату. Въ этой большой области Реджіо занимало мѣсто митрополитчьеи кафедры, къ которой принадлежали слѣдующія 13 епархій: *Vibona, Tropea, Tauriana, Gerace* (раньше—*Locra*), *Rossano, Squillace, Amantea, Crotone, Cosenza, Nicotera, Lisignano, Nicastro, Cassano*.¹⁾ Что касается другой еемы—Лонгобардіи, отъ *Бриндизи* и *Тарента* до *Siponto* и *Lusera*, то эта область въ церковномъ отношеніи признавала власть римскаго понтификата, ея епископы не зависѣли отъ патриарха. При императорѣ Львѣ Исаврѣ византійскіе намѣстники терпимо относились къ латинскому клиру въ этой провинціи, утверждая ставленниковъ Рима.²⁾ Однако, силою вешей и лонгобардская еема, постепенно эллинизируясь, подчинялась и въ церковныхъ дѣлахъ византійскому влиянію, чему особенно способствовала массовая эмиграція монаховъ-грековъ съ юга Калабріи на сѣверъ до округа Барі. Греческіе монахи, какъ это доказываютъ *житія* Иліи Пешерника, Луки Арментскаго, Саввы и Христофора, основывали и строили здѣсь многочисленные монастыри съ греческимъ церковно-богослужебнымъ уставомъ и восточнымъ укладомъ жизни. Само собою понятно, конечно, что эти греческіе пришельцы признавали власть и юрисдикцію константинопольскаго патриарха и всѣми мѣрами абсорбировались отъ понтификата. Бывали случаи, что греческіе монахи этой эпохи находили пріютъ въ латинскихъ монастыряхъ, однако и тамъ они сохраняли свой обликъ. Такъ, напр., Ниль Россанскій былъ принятъ съ своими 60 учениками братіей монастыря въ *Monte Cassino*, получилъ отъ него небольшой монастырь св. арх. Михаила въ *Valleluca*. Но и здѣсь, въ латинскомъ монастырѣ, онъ съ своими сподвижниками практиковалъ восточный образъ жизни, за которымъ монте-кассинскіе монахи высоко почитали его, видя въ немъ второго св. Бенедикта, своего регламентатора³⁾.

Такимъ образомъ, къ эпохѣ Никифора Фоки постепенно

¹⁾ Старшій, стр. 41—50.

²⁾ Gay, p. 350 sv.

³⁾ См. Vita s. Nili abbatis въ Acta Sanctor. Septemb. t. VII. coll. 302—306.

подготавливалась церковная эллинизация лонгобардской еемы. Уничтожить дуализмъ въ церковной организаціи этой послѣдней, т. е., проще говоря, подчинить ее всю константинопольскому патріархату, эту задачу принялъ на себя имп. Никифоръ. Приблизительно въ 968 году онъ издалъ декретъ объ учрежденіи въ *Otranto archiepiscopii*, которой были подчинены епископы *Tursi, Tricarico, Acerenza, Gravina, Matera*. Къ сожалѣнію, наука не обладаетъ вполне точными данными объ этомъ обстоятельстве, такъ-какъ подлиннаго декрета императора не сохранилось, и приходится основываться на случайномъ сообщеніи епископа кремонскаго Лиудпранда¹⁾. Отрантскому архіепископу было предоставлено право ставить епископовъ для этихъ епархій, въ которыхъ было введено греческое богослуженіе. Верховная юрисдикція въ церковныхъ дѣлахъ лонгобардской еемы, такимъ образомъ, официально перешла къ константинопольскому патріарху. Конечно, трудно предположить, что патріархъ Полиевктъ запретилъ въ Апуліи, какъ въ Калабріи, латинское богослуженіе²⁾. Такая мѣра была бы слишкомъ смѣла и неосторожна въ виду малочисленности греческаго населенія въ этой области, которая издавна находилась въ зависимости отъ римскаго понтификата. Но вполне возможно, что византийская власть постепенно проводила систему ограниченій латинскаго культа здѣсь, который въ эпоху Никифора не могъ пользоваться большою свободой. Учрежденіе греческой архіепископіи въ Отранто и официальное признаніе господства греческой богослужебной практики — все это должно было вызвать сильную борьбу латинскаго духовенства за свое преобладаніе.

Особенно остро эта борьба латинскаго культа съ греческимъ въ Апуліи сказалась при императорѣ Іоаннѣ I Цимисхѣ съ его вялой политикой безразличія въ отношеніи южно-итальянскихъ провинцій. И если, дѣйствительно, при Никифорѣ въ Апуліи были какія-нибудь репрессіи по адресу латинскаго духовенства, то при Цимисхѣ апулійскія церкви получили полныя права, наравнѣ съ греческими.

1) Liudprandi, *Relatio de legatione Constantipolitana*. 62—указ. у Gay, p. 3512.

2) Ibid.

Однако, едва-ли латинскія церкви могли надѣяться на реальную помощь и поддержку со стороны понтификата. Германская гегемонія въ лонгобардскихъ областяхъ дала мало культурно-положительнаго для этихъ послѣднихъ, скорѣе преслѣдовала задачу ослабленія ихъ, съ цѣлью избѣгнуть возможности ихъ объединенія и перехода, для своей самостоятельности, на сторону Византіи. Вообще говоря, это послѣднее было бы для нихъ болѣе выгоднымъ, такъ какъ подобная зависимость отъ сюзерена, далекаго географически, неимѣвшаго никогда достаточно военныхъ средствъ для постоянного поддержанія своего политическаго авторитета, была гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ зависимость отъ Германіи, слишкомъ близко и часто вмѣшивавшейся въ ихъ внутреннія дѣла. Дѣйствительно, извѣстно, какъ часто въ эпоху разрыва Никифора Фоки съ Оттономъ I лонгобардскія герцогства мѣняли свои политическія симпатіи, переходя то къ Византіи, то къ германцамъ. Это непостоянство и было главной причиной частыхъ вторженій германскихъ войскъ на ихъ территорію и сильныхъ опустошеній этой послѣдней. Здѣсь множество церквей было разрушено, духовенство должно было удаляться въ Римскую Кампанью, что-бы имѣть возможность вернуться вновь, какъ только буря смѣнитъ относительнымъ затишьемъ. Всѣ латинскія церкви въ лонгобардскихъ герцогствахъ, зависѣвшія отъ понтификата Рима, ближайшимъ образомъ находились въ непосредственной зависимости отъ правителей этихъ послѣднихъ. И само собою понятно, конечно, что въ эту эпоху лонгобардскіе герцоги не могли чѣмъ-нибудь реальнымъ показать свои симпатіи Риму, если бы онъ нашелъ нужнымъ просить фактической помощи, поддержки для апулійскихъ церквей у нихъ. Такой помощью, которая, тѣмъ самымъ, обратилась бы въ прямой протестъ противъ византійскихъ мѣропріятій, герцоги только ухудшили бы свое положеніе, возстановивъ противъ себя сильнаго сосѣда.

Такимъ образомъ, римскій понтификатъ въ эту эпоху могъ рассчитывать только на собственное вліяніе въ Константинополѣ, могъ увеличивать число епископій въ Апуліи, исходя изъ терпимаго, вообще, отношенія къ латинскому культу въ лонгобардской оемѣ византійскихъ намѣстниковъ. Этому, конечно, сочувствовали и лонгобардскіе герцоги, от-

лично понимая, что чѣмъ больше и сильнѣе будетъ вліяніе латинской церковной среды на латинское же населеніе Апуліи, тѣмъ больше гарантій неуспѣха или, по крайней мѣрѣ, трудности эллинизации послѣдней. Если эллинизация особенно успѣшно достигалась при посредствѣ *церковныхъ* факторовъ, то, логически, и латинизация могла рассчитывать на успѣхъ также при помощи внѣшне-церковныхъ мѣропріятій.

Все это было очень ясно римскимъ понтифексамъ, которые еще съ эпохи папы Іоанна XIII заботятся о подчиненіи Апуліи въ церковномъ отношеніи митрополитамъ *Беневенто*. И возможно, что учрежденіемъ въ Отранто архіепископіи Византія хотѣла нанести рѣшительный ударъ латинскимъ пропискамъ. Еще ранѣе папы Іоанна XIII (965—972) съ середины X вѣка началась сильная борьба латинской Церкви съ Византіей изъ-за вліянія въ областяхъ, смежныхъ, главнымъ образомъ, съ *беневентскимъ* герцогствомъ. Несомнѣнно, по инициативѣ Рима, епископъ Беневента Іоаннъ ходатайствуетъ предъ папой Мартиномъ III въ ноябрѣ 943 года о подчиненіи ему церквей въ *Сипонто*, *Бовино*, *Асколи* и *Ларино* (восточн. побер. Адриатики) ¹⁾. Въ 947 году подобное ходатайство онъ возбуждаетъ предъ папой Агапитомъ II относительно *Термоли* и *Тривенто* ²⁾. Въ 956 году папа Іоаннъ XII подтверждаетъ за епископомъ беневентскимъ Ландольфомъ эти права его предшественниковъ ³⁾.

Понятно, что послѣ брака Оттона II и Теофано византійскіе чиновники должны были уступать вліянію латинскихъ епископовъ, которые утверждали за собою даже тѣ города, какъ напр. *Сипонто*, которые служили резиденціями византійскимъ намѣстникамъ ⁴⁾.

Подобныя попытки противодѣйствія византійскому церковному вліянію въ ту же эпоху дѣлались и въ сосѣднемъ герцогствѣ *Салерно*. Римская власть старалась расширить права салернскаго митрополита на *калабрійскую* ѳему. Такъ, въ *Юзенцъ* и *Визиньяно* (*Cosensa* и *Bisignano*), которыя были при-

¹⁾ Ughelli Italia sacra, 2-e edit. Venet. 1717—1722, t. VIII, 50.

²⁾ Ibid., VIII, 52.

³⁾ Ibid., VIII, 57.

⁴⁾ Ibid., VIII, 64.

писаны при императорѣ Львѣ VI (886—912) къ митрополиту въ Реджію. епископы были подчинены новому епископу въ Мальвито ¹⁾.

Такимъ образомъ, къ концу X вѣка латинская церковная власть уже имѣла въ обѣихъ византійскихъ ѡемахъ Калабрии и Апуліи нѣсколько своихъ епископій съ латинскимъ клиромъ, въ качествѣ опорныхъ пунктовъ для своей пропаганды въ противодѣйствіе вліянію византійской церковной власти. Официальнымъ предлогомъ для открытія все новыхъ епископій здѣсь, конечно, выставлялась нужда удовлетворенія церковныхъ потребностей разбросанныхъ элементовъ итальянскаго населенія.

Византійская власть понимала важность момента, и старалась закрѣплять за собою важнѣйшіе пункты, назначая туда архіепископовъ съ широкими полномочіями. Такъ, въ 980 году архіепископъ *Канозы* Іоаннъ, ставленникъ константинопольскаго патріарха, находившійся въ Бари, упоминаетъ объ епископіяхъ *Трани* и *Бриндизи*, какъ о подчиненныхъ ему ²⁾. Однако, положеніе этой архіепископіи не было, очевидно, прочнымъ. Такъ, уже чрезъ три года папа Бенедиктъ VII, ставленникъ Оттона II, учреждаетъ въ Трани епископа, зависимаго отъ беневентскаго митрополита, и подчиняетъ ему *Джовенаццо*, *Руво*, *Минервино* и *Монтемилоне*. Однако нужно имѣть въ виду, что свѣдѣнія объ этомъ учрежденіи латинскаго церковнаго пункта въ *Апуліи*, въ резиденціи византійскаго чиновника, почерпаются изъ документа или акта, отъ 983 года, даннаго катапаномъ Калокиромъ транскому архіепископу Родостамону. Въ этомъ документѣ нѣтъ ни слова о подчиненіи послѣдняго, въ административномъ отношеніи, вмѣстѣ съ приписанными епископіями, римской куріи или беневентскому митрополиту; тамъ лишь констатируется, что транскій архіепископъ получилъ права на области отъ папы Бенедикта VII ³⁾. Отсюда, можно съ

¹⁾ Gay, p. 359.

²⁾ См. у G. Beltrani. Docum. long. e gr. cit. op. docum. VI.

³⁾ „...ὅτι Ρωδοσταμον ἐπίσκοπον Τρανῶν εὐρισκῶς... παρὰ τοῦ Μαχαρίτου Βενεδίκτου Πάπα Ρώμης ἐδέξω τὴν χειροτονεῖαν τοῦ διαθύειν... τοῦ εἶναι ὑπὸ τῆν ὑπὸ σὲ Ἐπισκοπὴν τὸ κάστρον Γυβενάζανον, τὸ Ρούβον, τὸ Μινερβίνον, τὸ Μόντε Μελοῦνην“—G. Beltrani, cit. op. p. 10. Сохраняю въ греческомъ текстѣ орфографію Beltrani. Авторъ.

полной вѣроятностью предположить, что это было только *актомъ признанія за нимъ тѣхъ же правъ и византійскимъ правительствомъ*, которое, такимъ образомъ, подтверждаетъ старое положеніе вещей, но, конечно, переводитъ въ свое вѣдѣніе, т. е. подъ *частичный контроль* константинопольскаго патріарха. Можно догадываться, по аналогіи, напр., съ современнымъ положеніемъ католическаго духовенства въ православныхъ странахъ, что въ данномъ случаѣ контроль ограничивался *согласіемъ* на утвержденіе извѣстнаго ставленника латинскаго центра. Не лишне указать здѣсь на мнѣніе *фанатичнаго* обслѣдователя исторіи г. *Трани* G. Beltrani, который, не смотря на все свое слишкомъ недружелюбное отношеніе къ господству византійцевъ въ Апуліи, считаетъ, что изъ приведеннаго документа слѣдуетъ признать, что съ момента занятія Калокиромъ антипатства въ Трани и, слѣдовательно, въ приписанныхъ къ ней епископіяхъ былъ введенъ *греческій* культъ ¹⁾. Gay предполагаетъ, что утвержденіе Родостамона въ положеніи областного епископа было нѣкоторой наградой за измѣну своимъ римско-германскимъ симпатіямъ въ пользу Византіи ²⁾.

Однако, уже въ 999 году архіепископскій престолъ области перешелъ къ греку. Преемникъ Родостамона *Хризостомъ* въ официальномъ актѣ катапана Григорія Траханіота именуется „*Архіепίσκοπος κάστρον Βάρεως τε, καί Τρανών*“ ³⁾. Слѣдовательно, въ 999 году Бари и Трани были соединены подъ властью одного архіепископа, который, несомнѣнно, получилъ въ свое вѣдѣніе и епископіи Джовенаццо, Руво, Минервино и Монтемилоне. Это положеніе лучше всего отвѣчало росту вліянія византійскаго катапана Бари во всей Апуліи, гдѣ византійская юрисдикція была распространена на всѣ области народной жизни ⁴⁾.

Ровно чрезъ 26 лѣтъ положеніе однако измѣняется. Такъ, въ 1025 году папа Іоаннь XIX въ своей буллѣ утверждаетъ всѣ права, принадлежавшія архіепископу Хризостому, за архіепископомъ Бари и Трани *Визанціемъ*, этимъ типич-

¹⁾ Beltrani, cit. op., p. XXIV.

²⁾ Gay, p. 361.

³⁾ Beltrani, cit. op. докум. N XI (p. 11).

⁴⁾ Beltrani, p. XXV.

нымъ латиняниномъ. И интересно, что въ это время власть византійскаго императора была представлена въ лицѣ всемогущаго катапана Василия Воіоанна. Въ своей буллѣ папа даетъ архіепископу Бизанцію право посвящать епископовъ на всей территории Апуліи отъ береговъ Офанто до Тарентини и Бриндизи ¹⁾.

Изъ этого факта перехода барійской митрополіи къ Риму само собой слѣдуетъ, что въ началѣ XI вѣка Апулія *отпала отъ надзора* константинопольскаго патріархата. Интересна, между прочимъ, характеристика этого Бизанція въ одномъ современномъ документѣ: „fundator sanctae ecclesiae Varensis terribilis et sine metu contra omnes Graecos“ ²⁾. Очевидно, въ силу особыхъ, быть можетъ, политическихъ обстоятельствъ, византійское правительство должно было уступить латинскому вліянію въ церковномъ отношеніи въ Апуліи. Но несомнѣнно, что катапаны утверждали выборы того или другого епископа, не вмѣшиваясь въ самое *избраніе*.

Итакъ, въ концѣ X и началѣ XI вв. происходила сильная борьба между греческимъ и латинскимъ клирами изъ-за преобладанія въ южно-итальянскихъ провинціяхъ Византіи.

Эта борьба, вытекавшая, въ концѣ-концовъ, изъ *политическихъ* соображеній, не отражалась на положеніи греческаго монашества, въ своей массѣ пришло изъ Сициліи и южнаго побережья Калабріи. Оно попрежнему распространялось здѣсь, не встрѣчая прямыхъ препятствій для своей дѣятельности и практики восточнаго образа жизни. Мало того, греческіе монахи и въ латинской церковной средѣ пользовались уваженіемъ за свой строгій образъ жизни, какъ объ этомъ очень ясно говоритъ фактъ принятія въ общеніе св. Нила Россанскаго съ его 60 сподвижниками монтекассинскими монахами ордена св. Бенедикта, которые уступили ему одинъ изъ своихъ небольшихъ монастырей св. арх. Михаила въ мѣстечкѣ *Валлелюче*, недалеко отъ *Монте-Кассино* ³⁾. Подобнымъ уваженіемъ пользовались гре-

¹⁾ Gay, p. 362.

²⁾ Барійская хроника подъ 1035 г. укаа. у Gay'я, p. 3264.

³⁾ Vita s. Nili abbatis въ Acta SS., sept., t. VII, coll. 302 sq.; ср. Leonis Marsicani—Chronica mon. Casinensis, lib. II, 93 (Monumenta Germaniae historica. Scriptorum t. VII, Hannover, MDCCCXLVI, p. 640).

ческіе подвижники и въ латинскомъ обществѣ. Особенно характернымъ, въ этомъ случаѣ, фактомъ служитъ обращеніе принцессы Алоары, вдовы герцога капуанскаго Палдольфа, къ св. Нилу Россанскому съ покаяніемъ послѣ звѣрскаго убійства, по ея наущенію, одного изъ сыновей, который долженъ былъ занять престолъ Капуи. При входѣ во дворець, Ниль былъ встрѣченъ Алоарой, простершейся на полу, которая со слезами просила его святыхъ молитвъ и требовала указать ей путь для искупленія своей вины. Когда Ниль предложилъ ей обратиться къ епископамъ, очевидно, капуанскимъ за епитиміей, она отвѣчала, что *тѣ сами указали ей на него, такъ какъ онъ одинъ можетъ облегчить ея грѣшную душу*. Характерно, также, что при входѣ въ городъ св. Ниль былъ встрѣченъ народомъ, который просилъ его молитвъ и благословенія ¹⁾. Этотъ рассказъ составителя *житія* не нуждается въ комментаріяхъ: изъ него съ полной очевидностью слѣдуетъ, что греческіе подвижники, несмотря на все обостреніе отношеній между клирами обѣихъ церквей, пользовались высокимъ уваженіемъ не только въ глазахъ простого народа латинскихъ областей, какъ Капуя, но и у высшихъ представителей латинскаго клира.

Церковно-политическое положеніе южной Италіи въ нормандскую эпоху (XI сл. вв.).

Латинское церковное вліяніе въ южно-итальянскихъ византійскихъ емахъ, подготовленное событіями предшествующей эпохи, вполнѣ сказалось въ *періодъ разрыва церковныхъ сношеній Византіи съ Римомъ*. Нужно имѣть въ виду, что до этого разрыва Византія и Римъ старались дѣйствовать единодушно въ цѣляхъ ослабленія нормандскаго политическаго вліянія вообще въ Италіи; и только съ того момента, когда обнаружилось стремленіе папы Льва IX заставить Византію признать *церковно-политическое приматство римскаго епископа*, сношенія были прерваны.

Съ этого момента римская курія напрягаетъ всѣ старанія закрѣпить за собою южно-итальянскія провинціи въ церковномъ отношеніи. Само византійское правительство способ-

¹⁾ Vita, coll. 307—309.

ствовало этому. Такъ, императоръ Константинъ Мономахъ (1042—1054) нарушилъ всѣ завѣты Никифора Фоки, признавъ *катапаномъ* (дукой) *Италіи*, вмѣсто православнаго грека, ломбардца *Аргири*, который ловкими приемами добился отъ нормандовъ титула *дуки* и *принца Италіи*.¹⁾ Положеніе слѣдовательно, создалось таково, что намѣстникомъ византійскаго императора въ Италіи оказался сторонникъ и защитникъ латинскихъ традицій, хотя Аргиръ не разъ заявлялъ о своей покорности василевсу и готовности поддерживать интересы византійской имперіи. Умный, горячій Михаилъ Керулларій хорошо понималъ всѣ невыгоды создававшихся положенія и, несмотря на всѣ торжественные приемы новаго катапана въ Константинополѣ, третировалъ его, какъ *еретика*, отлучивъ его даже отъ общенія съ Церковью.²⁾ Онъ справедливо догадывался, что Аргиръ будетъ поддерживать латинскій клиръ въ борьбѣ съ греческимъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ Михаилъ Керулларій, какъ-бы не замѣчая всей остроты положенія, когда начался между нимъ и папой Львомъ IX обмѣнъ посланіями по вопросу о новшествахъ и уклоненіи латинской Церкви отъ чистоты вѣры. Своими дѣйствіями даетъ право и поводъ римской куріи усилить давленіе на греческій клиръ въ Италіи. Такъ, папа Левъ жалуется въ своемъ посланіи, что византійскій патріархъ закрылъ латинскія церкви, монастыри и аббатства, тогда какъ въ самомъ Римѣ и всей Кампаньѣ греческіе монастыри и церкви пользуются полной свободой въ отношеніи своихъ церковно-богослужебныхъ традицій и практики жизни.³⁾

1) Объ обстоятельствахъ, приведшихъ къ крушенію „миссіи“ Маніака, назначеннаго катапаномъ Италіи отъ имп. Михаила V, см. подр. у Gay, pp. 455, 460—464; ср. Schlumberger—*L'empire byzantine*, t. III, Paris, 1905, p. 349 sv.; Н. Скабалановичъ. Византійское государство и церковь въ XI в. Спб. 1884, стр. 214 сл.; Chalandon. *Hist. de la domination normande en Italie et en Sicilie*, t. I, Paris, 1907, pp. 121 sv.

2) Ср. *Acta et Scripta, quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae saeculo undecimo composita extant*, ed. Will. Leipz. 1861, p. 177; ср. Chalandon, *Hist. de la dom. norm. en Italie et en Sicilie*, Paris, 1907, t. I, pp. 156 sv.

3) „Ut enim fertur, omnes latinorum basilicas penes vos clausistis, monachis monasteria et abbatibus tulistis, donec vestris viverent instituit...

Латинская церковная власть, хорошо осведомленная о положеніи дѣлъ въ византійской имперіи и имѣя въ виду постепенное ослабленіе надзора за южно-итальянскими провинціями, стремится упрочить свой авторитетъ и положеніе вообще въ Италіи и, въ частности, въ византійскихъ провинціяхъ. Начало этому было положено еще въ предшествующій періодъ, когда въ южной Италіи было открыто нѣсколько новыхъ архіепископій и епископій съ правами областного надзора. Въ настоящій періодъ Римъ обращаетъ свое вниманіе на *монастыри*, которые хотя были близки Риму своей культовой практикой, чисто латинскимъ характеромъ жизни, однако признавались раньше папами самостоятельными въ распорядкѣ своей внутренней жизни, въ избраніи настоятелей и пр. Возникшіе по частной инициативѣ, не преслѣдовавшіе никакихъ политическихъ задачъ, эти монастыри прежде были въ сторонѣ отъ той анархіи, которая воцарилась въ Италіи въ IX сл. вв. Однако, въ настоящій моментъ ихъ роль нѣсколько измѣнилась. Они стали слишкомъ могущественны, вліятельны, къ нимъ нерѣдко обращались съ своими личными и государственными нуждами правители лонгобардскихъ герцогствъ, германскіе императоры. Можно было предполагать, что нерѣдкія обращенія правящихъ и государственныхъ лицъ за совѣтами къ этимъ монашескимъ обителямъ въ сущности являются руководствомъ, вмѣшательствомъ этихъ послѣднихъ въ чисто государственную жизнь страны: онѣ, такимъ образомъ, могли опредѣлять отношеніе и къ римской церковной власти руководителей жизнью страны. Эта новая роль автокефальныхъ латинскихъ монастырей Италіи заставила римскую курію измѣнить свое отношеніе и взглядъ на нихъ. Въ новой агрессивной политикѣ папъ, которая особенно проявляется съ XI вѣка, и которая, въ сущности, была базирована на на скрытомъ желаніи имѣть чисто *политическое вліяніе* въ Италіи, эти большіе, вліятельные монастыри должны быть

Siquidem cum intra et extra Romam plurima graecorum reperiantur monasteria sive ecclesiae, nullum eorum adhuc perturbatur vel prohibetur a paterna traditione, sive sua consuetudine“. S. Leonis IX papae Epistola et decreta pontificia, XXIX—у Migne, Patr. lat., t. CXLIII, col. 764; ср. Will. Acta et scripta, pp. 89. 164.

въ роли опорныхъ пунктовъ въ дѣлѣ пропаганды авторитета Рима.

Отсюда, въ XI вѣкѣ церковная власть Рима старается закрѣплять за собою всѣ, ранѣ бывшіе автокефальными, монастыри. Прежде всего это коснулось извѣстнаго *Монте-кассинскаго* монастыря, въ которомъ нѣкогда св. Ниль Росанскій нашель пріютъ. Уже въ самомъ концѣ X вѣка этотъ монастырь былъ не таковъ, какимъ засталъ его св. Ниль. Его игумень Мансонъ, находившійся въ близкомъ родствѣ съ капуанскими герцогами, поднялъ вліяніе монастыря на большую высоту. Папа Іоаннь XV способствовалъ этому, предоставивъ его игуменамъ право юрисдикціи и надзора за окрестными монастырями, освободивъ даже отъ подчиненія мѣстнымъ епископамъ (984) ¹⁾. Съ середины XI вѣка такое автономное положеніе Монте-кассинскаго монастыря подверглось коренному измѣненію. Послѣ смерти игумена Рихерія, въ декабрь 1055 года ²⁾, былъ избранъ на его мѣсто изъ братіи, безъ обращенія къ Риму, нѣкто Петръ. Однако, папа Викторъ II заявилъ неудовольствіе на монаховъ за такое свободное избраніе и потребовалъ не только представленія ему избраннаго настоятеля, но и провѣрки выборовъ римскимъ легатомъ, кардиналомъ Гумбертомъ ³⁾.

Несмотря на протесты монте-кассинцевъ, которые указывали, что подобная миссія кардинала является нарушеніемъ ихъ правъ, дарованныхъ предшественниками Виктора II, Гумбертъ прибылъ въ Монте-Кассино. Въ результатѣ миссіи кардинала былъ отказъ Петра отъ игуменства и избраніе на его мѣсто бывшего легата папы Льва IX Федерика ⁴⁾. За новымъ игуменомъ были подтверждены всѣ права его предшественниковъ по надзору за областными меньшими монастырями ⁵⁾.

Такимъ образомъ, въ 1057 году Римъ подчинилъ себѣ важнѣйшій автокефальный монастырь средней Италіи, сдѣ-

1) См. Leonis Chronica mon. Casinens. lib. 11, 12, 14—въ Monumentum. Germ. hist. Script. t. VII, Hannov. 1864, coll. 636—638.

2) Leonis Chronica, cit. op. col. 688 (88).

3) Ibid., 91, col. 690 sq.

4) Leonis Chronica, 94—cit. op. coll. 691—692.

5) Ibid., 93, col. 692.

лавъ его орудиёмъ въ своихъ рукахъ. Конечно, это имѣло для папской политики въ южной Италіи большое значеніе, потому—что съ этого момента Римъ имѣлъ сильный центръ для пропаганды въ Италіи своихъ чисто политическихъ латинскихъ тенденцій въ противовѣсъ византійскому вліянію. Нѣтъ нужды слѣдить за фактическимъ выявленіемъ оппозиціи латинскаго Рима этому послѣднему. Достаточно указать хотя бы на наиболѣе конкретный случай, особенно подчеркнутый тенденціи папъ. Поддержанный нормандами въ своихъ стремленіяхъ къ папскому престолу, Николай II дѣлаетъ своимъ викаріемъ Дезидерія, игумена Монте-Кассино¹⁾ и задумываетъ, при его посредствѣ, грандіозную реформу всѣхъ монастырей южной Италіи. Эта реформа выразилась прежде всего въ подчиненіи аббату Монте-Кассино монастырей всей римской Кампаньи, герцогства Беневентскаго, всей Апуліи и Калабріи²⁾. Эта реформа была произведена безъ сношеній съ Византіей, по крайней мѣрѣ въ современныхъ документахъ нѣтъ никакихъ указаній на то, что папа Николай II запрашивалъ или же пытался испросить у византійскаго правительства согласія на такой важный и чреватый послѣдствіями для византійскихъ вѣкъ шагъ. Несомнѣнно, что онъ въ этомъ случаѣ опирался исключительно на поддержку нормандовъ, которые съ первыхъ же шаговъ въ Италіи оказались въ прямой борьбѣ съ Византіей. Папа сумѣлъ польстить самолюбію Роберта Гюискарда, торжественно давъ ему титулъ „дуки Апуліи, Калабріи и, въ будущемъ, Сициліи“³⁾. Замѣчательно, что въ этомъ титулѣ нѣтъ и намека на Римъ и Кампанью: нормандскому вождю отданы только византійскія провинціи... Слѣдовательно, папа

¹⁾ См. у Gay, pp. 551—516.

²⁾ „...nostra auctoritate confirmamus tam in finibus Beneventanorum, Apulorum et Calabrorum, quam etiam in finibus Marsorum“—Nicolai II Papae Epistola et diplomata, III,—Migne, Patrol. lat. t. CXLIII, col. 1306; ср. „quo insuper ad cardinalatus dignitatem (Dezидеріи) et honorificentiam patris sanctissimi Benedicti, per totam Campaniam et Principatum, Apuliam quoque atque Calabriam, ab ipso fluvio Piscaria sicut influit in mare vicem suam idem apostolicus illi concessit“—Leonis Chronica, lib. III, 12—cit. op. p. 705.

³⁾ Leonis Chronica, III, 15 (cit. op. p. 706, особ. прим. 95); ср. F. Caillard. Histoire de la dominat. normande en Italie et en Sicilie, t. I, Paris, 1907, p. 110, особ. an. 3, и Gay, p. 518.

считалъ себя полновластнымъ распорядителемъ судебъ этихъ послѣднихъ, хотя и не имѣлъ никакихъ *фактическихъ* основаній къ какому бы то ни было вмѣшательству въ жизнь Калабріи и Апуліи: земельной собственности здѣсь римская курія не имѣла, предоставленное же ей византійской властью право посвящать епископовъ нѣсколькихъ епископій было простымъ актомъ любезности и говорило скорѣе о моральномъ авторитетѣ папъ въ немногихъ областяхъ.

Однако, Николай II не остановился на этой узурпаціи. Въ 1059 году онъ отправляется въ Мельфи и устраиваетъ тамъ соборъ, на которомъ присутствуютъ латинскіе епископы изъ южной Италіи ¹⁾. Не ограничившись подтвержденіемъ нѣкоторыхъ новшествъ латинской Церкви (напр. *целибатъ*), соборъ подвергъ осужденію нѣкоторыхъ епископовъ и даже низложилъ архіепископа г. Трани Іоанна, который носилъ титулъ императорскаго синкелла. Этотъ архіепископъ, между прочимъ, не считался съ возрастающимъ вліяніемъ римской куріи и пытался распространить свою юрисдикцію на Сипонто ²⁾.

Ясно, что „своимъ личнымъ активнымъ вмѣшательствомъ въ церковныя дѣла южной Италіи папа стремился возстановить древній престижъ западнаго патріархата, какимъ онъ былъ въ этой области предъ эпохой императоровъ иконоборцевъ. Говоря по правдѣ, это было средствомъ для Рима продолжать борьбу съ восточнымъ патріархатомъ и оживить свои требованія пока въ отношеніи прежнихъ земельныхъ владѣній и южныхъ діоцезовъ“ ³⁾. Папа смѣло могъ надѣяться на полный успѣхъ всѣхъ своихъ мѣропріятій, потому—что нормандскій герцогъ Робертъ Гюнскардъ обѣщаль свою вѣрность римской Церкви и, въ частности папѣ Николаю II ⁴⁾, вплоть до условія—*подчинять ему все церкви, которыя окажутся въ будущиихъ нормандскихъ владѣніяхъ въ южной Италіи* ⁵⁾.

¹⁾ Leonis Chronica, III, 13 (p. 705); Jaffe. Regesta Pontificum Romanorum, Berolini, MDCCCLI, 386.

²⁾ Petri Dam. Vita Romualdi—Migne, lat. t. CXIV, col. 538; Ughell Italia sacra, cit. op. t. VII, col. 823.

³⁾ Gay, p. 517.

⁴⁾ Leonis Chronica, III, 15 (p. 706).

⁵⁾ Gay, p. 518.

Періодъ съ 1058 по 1071 гг. Робертъ Гюискардь съ своимъ братомъ Рожеромъ проводитъ въ Калабріи и Апуліи, постепенно овладѣвая болѣе значительными, въ стратегическомъ отношеніи, пунктами и понижая зависимость этихъ провинцій отъ Византіи. Также успѣшно дѣйствуютъ норманды и въ Сициліи, отнимая у мусульманъ ихъ владѣнія. Правда, въ 1060 г. византійскія войска изъ столицы отнимаютъ у нормандовъ Тарентъ, Бриндизи, Орію и Отранто; однако, уже въ 1062 году Робертъ снова беретъ эти города у византійцевъ, разбивъ ихъ войска. Лишь прибрежная полоса отъ *Гаргано* до *Бриндизи* находится еще въ рукахъ византійцевъ ¹⁾. Наконецъ, въ 1071 году, 16 апрѣля, Робертъ овладѣлъ столицей катапаната Италіи *Бари* ²⁾. Этотъ успѣхъ Гюискарда былъ *концомъ* византійскаго владычества въ южной Италіи. Правда, по мѣстамъ и послѣ 1071 года власть имперіи признавалась; такъ, напр., изъ одного документа отъ 1072 года видно, что г. Трани зависѣлъ отъ Византіи ³⁾. Однако уже въ 1075 году имъ распоряжается Робертъ Гюискардь, какъ это видно изъ начальныхъ строкъ другого документа отъ апрѣля 1075 года ⁴⁾.

Такимъ образомъ, во второй половинѣ XI вѣка южно-итальянскія византійскія провинці почти окончательно перешли къ нормандамъ, которые въ церковныхъ дѣлахъ были связаны своими обязательствами римской куріи. И вполне понятно, что послѣдняя воспользовалась создавшимся поло-

¹⁾ Ibid. pp. 520—526, 533; Chalandon, I, pp. 173—184.

²⁾ Gau, pp. 535—538; Chalandon, I, pp. 186—190.

³⁾ См. у Beltrani. Documenti longob. e greci. Roma, 1877, doc. XVIII, p. 27.

⁴⁾ Ibid., docum. XIX, p. 29: „...regnante domino Rubberto invictissimo duce Italiae, Calabriae, Siciliae“. Орфографія документа нѣсколько замѣнена. *Авторъ*.

Gau стремится нѣсколько затушевать успѣхи нормандовъ, въ Южной Италіи, указывая на то, что Робертъ владѣлъ тамъ „небольшимъ числомъ городовъ“ (cit. ouv. p. 543). Однако, нужно имѣть въ виду, что главные пункты, опорные для Византіи, какъ Бари, Бриндизи, Отранто и др., были взяты нормандами. Понятно, что прочіе пункты, хотя они и продолжали заявлять о своей покорности византійскому василевсу, и въ нихъ находились византійскіе чиновники, не имѣли почти никакого значенія въ смыслъ базы для существованія византійскихъ вѣмъ. Ихъ покореніе было вопросомъ времени.

женіемъ для упроченія своего вліянія въ бывшихъ византійскихъ областяхъ. Вообще, послѣ отдѣленія отъ восточной Церкви папы дѣйствуютъ болѣе агрессивно.

Съ конца X вѣка и вплоть до паденія Бари въ 1071 году положеніе Калабрин и Апуліи въ церковномъ отношеніи было вообще самое *неопредѣленное*. Какъ мы видѣли выше, византійское правительство, снисходя къ церковно-религіознымъ нуждамъ латинскаго элемента населенія, допускало въ своихъ провинціяхъ латинскій клиръ съ его культомъ и даже по мѣстамъ соглашалось на присутствіе епископовъ, поставленныхъ Римомъ. Въ общемъ ходѣ эллинизации южной Италіи это было случайнымъ явленіемъ, не противорѣчившимъ, казалось, византійскимъ политикамъ, общему плану обращенія южной Италіи въ одну византійскую провинцію, подобную тѣмъ, какими Византія располагала на Востокъ. Однако, исторія послѣдующаго времени показала, насколько ошибоченъ былъ этотъ гуманный взглядъ. Латинскіе клирики, латинскіи епископи сдѣлались вѣрными агентами Рима, который чрезъ нихъ началъ добиваться общей латинизации южно-итальянскихъ областей. Каждая латинская епископія, каждый бенедектинскій монастырь былъ опорнымъ пунктомъ для такой пропаганды. Конечно, численный перевѣсъ вплоть до конца XI вѣка былъ на сторонѣ греческихъ епископовъ, греческихъ клириковъ и монастырей, которые находили точку опоры для себя не столько въ лицѣ византійскихъ чиновниковъ, сколько въ симпатіяхъ и преданности мѣстнаго населенія, въ массѣ—греческаго, всегда чуждаго латинскимъ проскамъ. Это создавало самое большое затрудненіе для римской пропаганды, потому-что дѣло шло о перевоспитаніи населенія, внушеніи ему латинскихъ понятій и чуждаго для него культа. Конечно, и это затрудненіе можно было-бы устранить, если-бы въ южно—итальянскихъ областяхъ было болѣе многочисленное латинское духовенство. Естественно, что на подобную мѣру византійское правительство не могло согласиться добровольно, такъ-какъ это шло вразрѣзъ съ его политическими планами. Слѣдовательно, причина малоуспѣшности латинской пропаганды зависѣла отъ *прочнаго положенія Византіи въ южной Италіи*. Надо было сломить это послѣднее. Отсюда, становится ясною та ловкая политическая игра, которую вели столь успѣшно

папы съ Льва IX. Они привѣтствовали каждаго, вторгшагося въ Италію германца, норманда, такъ-какъ отлично понимали, что для нихъ приманкой являются византійскія богатыя провинціи, и старались прежде всего обезопасить себя путемъ сношеній съ новымъ политическимъ авантюристомъ; льстили его самолюбію, устраивали торжественныя приемы въ Римѣ, награждали всякими титулами и пр. И въ то-же время постоянно указывали на Византію, какъ на узурпатора, не по праву владѣющаго въ Италіи обширными провинціями. Интриги папъ разнствовали въ качествѣ и масштабѣ, пропорціонально политической и военной мощи вторгшагося въ Италію вождя. Въ началѣ нормандскаго нашествія римская курія искала союза съ Византіей противъ варваровъ, потому-что опиблась въ опредѣленіи такого ценза послѣднихъ. Когда оказалось, что врагъ гораздо сильнѣе, что онъ слишкомъ прямо идетъ къ цѣли, папа отказался отъ агрессивныхъ дѣйствій съ Византіей, порвалъ съ ней всѣ сношенія и началъ добиваться расположенія нормандовъ. Въ жертву было принесено все, съ нарушеніемъ элементарной тактичности: папа Николай II искусно отводитъ вниманіе Гюискарда отъ средней Италіи, т. е. отъ своей *Церковной области*, и подноситъ ему титулъ „дуки Апуліи, Калабрій и Сициліи“. Польщенный такими полномочіями, передачей въ сущности „правъ“ византійскаго катапана, нормандъ клянется въ вѣрности римской куріи и обѣщаетъ свое содѣйствіе латинской пропагандѣ въ формѣ передачи папѣ всѣхъ церковныхъ организацій, которыя встрѣтятся въ завоеванныхъ областяхъ. Это, ясно, вполне и отвѣчало всѣмъ стремленіямъ папы, такъ-какъ онъ хорошо видѣлъ, что Гюискардъ скоро покончитъ съ византійскими провинціями.

Такимъ образомъ, нашествіе нормандовъ имѣло и сослужило Риму большую службу, осуществивъ его давнишнія желанія имѣть прямое вліяніе въ церковной и монастырской средѣ южной Италіи.

Отсюда становится вполне понятнымъ созывъ собора въ Мельфи въ 1059 году, на которомъ и была начата оккупанція папой южной Италіи.

Какъ было выше сказано, на этомъ соборѣ былъ низложенъ ставленникъ Византіи архіепископъ Трани Іоаннъ. Къ

сожалѣнію, наука не обладаетъ болѣе точными и подробными свѣдѣніями о дѣятельности и результатахъ собора: о низложеніи Іоанна мы знаемъ лишь изъ случайнаго упоминанія одного хрониста. Gay упоминаетъ объ одномъ документѣ, который говоритъ о низложеніи соборомъ Мельфи еще двухъ греческихъ епископовъ изъ *Монтенелозо*, за симонію и прелюбодѣяніе, и изъ *Трикарико*, который, будто-бы, оказался „неофитомъ“: ихъ епископіи были поручены архіепископамъ *Acerenza* и *Cosenza* которые должны были вновь избрать кандидатовъ на эти кѣедры. Однако самъ же Gay сомнѣвается въ подлинности настоящаго документа ¹⁾. Но и безъ умноженія документальныхъ фактовъ, изъ одного низложенія Іоанна видно, что папа считалъ себя вполне правомочнымъ вмѣшиваться въ епископіи, находившіяся въ подчиненіи византійскому патріархату.

Итакъ, фактически съ 1059 года греческіе епископы оказались въ вѣдѣніи Рима, ихъ низлагали по самымъ ничтожнымъ поводамъ и замѣняли ставленниками курій. Оставался вопросъ о *греческомъ клирѣ*. До этого собора, естественно, онъ былъ подчиненъ патріархату. Соборъ 1059 года очень искусно начинаетъ ограничивать греческое духовенство Италіи. Именно, онъ узакониваетъ, безъ всякихъ каноническихъ основаній, celibатъ вообще духовенства, который на западѣ въ ту эпоху, повидимому, въ силу обычая получилъ значеніе закона. Отсюда, если вершителемъ церковныхъ судебъ южной Италіи сдѣлался папа, и въ южно-итальянскихъ областяхъ находилось брачное духовенство, то не слѣдовало ли изъ этого логически, что оно оказывалось нарушителемъ воли высшаго церковнаго центра? Конечно, этимъ актомъ поголовно осуждалось все греческое духовенство южно-итальянскихъ областей, ставилось внѣ закона, и ему, такимъ образомъ, были поставлены очень опредѣленныя границы. И надо предполагать, что римская курія не упускала случаевъ для замѣны греческихъ клириковъ латинскими.

Такъ, постепенно въ нормандскую эпоху въ южной Италіи была введена въ церковныя отношенія римская юрисдикція. Насколько планомѣрно проводилась эта послѣдняя, видно уже изъ того факта, что папа Александръ II не оста-

¹⁾ Gay. cit. ouv., pp. 547—548.

новился предъ отлученіемъ въ 1067 г., 1 августа, герцога Вильгельма Готвилльскаго, когда тотъ захватилъ въ свое пользованіе владѣнія церкви въ *Салерно* ¹⁾. Этотъ фактъ очень характеренъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, насколько сильнымъ и вліятельнымъ чувствовало себя папство въ 1067 году, когда не считалось даже съ латинскими герцогами и контролировало ихъ отношеніе къ интересамъ ставленниковъ Рима.

Результаты церковной политики папъ въ южной Италіи* сказались очень скоро. Въ октябрѣ 1071 года въ Монте-Кассино происходило торжественное освященіе соборной церкви, на которое были приглашены всѣ епископы Кампаньи, Лонгобардскихъ герцогствъ, Апуліи и Калабріи ²⁾. Въ числѣ явившихся хронистъ перечисляетъ, между прочимъ, архіепископовъ *Сипонто*, *Трани*, *Орѣи* (въ области Отранто, который, повидимому, имѣлъ полномочія отъ Рима, вмѣсто греческаго отрантскаго архіепископа, поставленнаго сюда при Никиѳорѣ Фокѣ въ 968 году. См. выше), *Ачеренцы*; епископовъ *Троїи*, *Мельфи*, *Лючеры*, *Чивитате*, *Термоли*, *Бовино*, *Сальпи*, *Каннѣ*, *Руво*, *Венозы*, *Бишелье*, *Джіовенацио*, *Монополи*, *Тарента* ³⁾. Конечно, нельзя предполагать, что въ этомъ перечисленіи хронистъ указалъ всѣхъ латинскихъ епископовъ южной Италіи: здѣсь, прежде всего, нѣтъ ни одного епископа Калабріи, хотя хорошо извѣстно, что въ концѣ XI вѣка тамъ была не одна епископія, иначе было бы непонятно приглашеніе на монте-кассинское торжество „всѣхъ епископовъ Калабріи“. Перечислены только явившіеся, преимущественно изъ Апуліи. Однако и этотъ перечень даетъ многое. Достаточно взглянуть на современную (1071 г.) карту Апуліи ⁴⁾, что-бы заключить, по даннымъ хрониста, что почти всѣ значительные города тамъ были заняты въ это время латинскими епископами. Вполнѣ возможно, что

¹⁾ Iaffe. Regesta pontif. rom., cit. op., 394. Ср. Alexandri II papae Epistola—Migne Patr. lat. CXLVI, col. 1335.

²⁾ „...litteris invitatoriis... ad universos episcopos Campaniae, Principatus Apuliae atque Calabriae datis“. См. у Leonis Chronica, III, 29 (cit. op. p. 719).

³⁾ Leonis Chronica. III, 29 (cit. op. p. 720); ср. Rerum italicarum scriptores V, 76.

⁴⁾ Напр. приложенную къ цитованной книгѣ Gau'я.

и въ остальныхъ городахъ, епископы которыхъ не присутствовали въ Монте-Кассино въ 1071 году, были латинскія епископіи. Слѣдовательно, вся область отъ Термоли до Отранто и отъ Тарента до Трои въ 1071 году была заполнена ставленниками Рима, къ которымъ перешли всѣ греческія церковныя полномочія въ этой древней лонгобардской оемѣ.

Что касается собственно Калабріи, то, согласно списку каеандръ, который датируется 1084—1140 г. ¹⁾, въ XI вѣкѣ тамъ были подчинены византійскому патріарху, въ качествѣ митрополій, только двѣ: *Реджіо* и *Северина* ²⁾. Подробностей о положеніи этихъ митрополій въ наукѣ не имѣется.

Н. Д. Протасовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ См. Скабалановичъ. Византійское государство и церковь въ XI в. Спб. 1984, стр. 404.

²⁾ Ibid. стр: 411, 413.